

**Seijas Tatiana. Asian slaves in colonial Mexico. From Chinos to Indians.
New York: Cambridge University Press, 2015. XIV, 282 p., il. Cambridge
Latin American Studies; 100. (ISBN 9781107635777).**

Книга исследовательницы из Университета Майами (Огайо, США) Татьяны Сейхас «Азиатские рабы в колониальной Мексике. От *чинос* к индейцам» принадлежит к числу тех редких, прямо или косвенно связанных с Китаем и китайцами книг, которые сообщают читателю множество неизвестных, удивительных фактов и обстоятельств. В XVI веке в Мексике как *чинос* («китайцы») официально регистрировали всех прибывающих в Новую Испанию из Азии. Тех же, кого доставляли из Африки, записывали как «negros» — «черные» или «safres» (топоним). *Чинос* в простонародном латиноамериканском испанском до сих пор называют индейцев, это очень многозначное слово для обозначения потомков людей разных рас, а также слуг и всех людей низкого социального статуса. Если в XVI в. «chinos» и «negros» — рабы из Азии и Африки соответственно, а «indio» — все коренное население, то в XVII в. появляется словосочетание «indios chinos» применительно к лично свободным филиппинцам, осевшим в Мексике. Рабы азиатского происхождения так никогда не назывались, поскольку, согласно испанскому законодательству, все коренное население Новой Испании было свободным, т.е. индеец не мог быть рабом. В XVIII в. «chinos» — уже люди смешанных индийских и африканских кровей. Т. Сейхас отмечает, что даже в серьезных исторических исследованиях часто происходит смешение терминов «indios chinos» и просто «chinos» (с. 6).

Насколько можно судить, книга Т. Сейхас — первое серьезное исследование, в котором прослеживается, откуда пришли «китайцы», реконструируется их жизнь в Мексике; перед нами разворачивается необыкновенная история превращения рабов азиатского происхождения в лично свободных «индейцев». Т. Сейхас изучала архивы Филиппин и колониальной Мексики, результаты архивной работы помещены в единую, продуманную схему. Вызывает удивление количество записей, остав-

ленных рабами и рабовладельцами, именно они легли в основу книги, придав научному исследованию живость и достоверность.

О главной героине книги, женщине, чья история вдохновила автора исследования, многое известно из ее жития. Катарина де Сан Хуан (ок. 1610–1688) была рабыней китайского происхождения, ставшей народной святой в городе Пуэбла. Она сама точно не знала, где родилась и откуда ее в младенчестве вывезли. В Пуэбла Катарина была служанкой в семье португальского торговца, который привез ее в Мексику. Позднее хозяин даровал ей свободу, но денег у нее не было. Она поступила служанкой в дом священника посещаемого ею храма при иезуитском колледже в Пуэбла. Катарина хотела посвятить себя Богу, но по воле священника вышла замуж за *чино*, и только став вдовой, смогла вести ту религиозную жизнь, к которой стремилась. О себе она подробно поведала некоему Алонсо Рамосу, который записал ее рассказ и издал как житие святой в 1689 г., через год после смерти Катаринины. Ее похороны стали большим событием в жизни города, жители хотели иметь свою городскую святую. Инквизиция сопротивлялась ее беатификации, в 1691 г. было запрещено поклоняться неофициальной святой и ее образам, которым в народе приписывали целительную силу. Было запрещено и житие, записанное Рамосом.

История Катаринины — сейчас часть мексиканского фольклора. Она считается создательницей мексиканского женского национального костюма, который называется «Чина poblana» (China Poblana). На самом деле такой костюм в ярких зеленых, белых и красных тонах — цветах мексиканского флага — вошел в моду в 1870-е годы. Одевание не имеет ничего общего с дальневосточными нарядами, фасон позаимствован у баварских крестьянских платьев, невозможно предположить, что блаженная XVII в. могла носить что-то подобное.

В 1565 г. первая партия азиатских ра-

бов прибыла из испанских Филиппин в Мексику на галеонах Манила — Акапулько, все они назывались «китайцами», хотя в реальности были японцами из Нагасаки, малайцами, филиппинцами, яванцами, тиморцами, выходцами из различных районов Индии. Филиппинцев было большинство. Португальские работорговцы привозили на манильский рынок в основном мужчин из португальских колониальных владений в Азии. Многие испанцы увозили азиатских рабов к себе в Испанию, где обладание рабом-китайцем подчеркивало высокий статус владельца. Примечательна история Грегорио Морено, «индийца китайской национальности с Филиппинских островов». Испанский чиновник вывез его в Мексику, затем в Перу, снова в Мексику, затем в Севилью, где тот стал требовать от правительства денег для возвращения на Филиппины. Король удовлетворил его многочисленные просьбы, велел выдать сто золотых дукатов на дорожные расходы. Морено получил, впрочем, не собственно деньги, а лишь кредитную расписку...

По прошествии времени *чинос* стали по закону «индейцами», это — общий термин для всех аборигенов испанских колоний, после 1672 г. «китайцы» рассматривались уже как «местные» вассалы испанской короны и как таковые не могли долго оставаться рабами.

Составленная Т. Сейхас по архивным данным база данных содержит 598 имен китайских рабов в Мексике. Различными документами подтверждено происхождение 225 человек. Сложность состоит в том, что большинство людей были вывезены в младенчестве, и воспоминания их весьма туманны. Многие указывали место «отплытия», а не место рождения. Сведения об этих людях сведены в таблицу, из которой явствует, что из этих 225 человек из Филиппин прибыло 62 «испанца», т.е. католика и 17 мусульман, из Индии — 68 человек, из Бенгалии — 30, Индонезии — 15, Цейлона — 6, Японии — 4, Макао — 3, Тимора — 2 человека, а еще 9 человек назвали топонимы, которые невозможно отождествить.

Т. Сейхас описывает филиппинское общество XVII—XVIII вв. как рабовладельческое: Манила представляла собой один сплошной невольничий рынок, где продавались филиппинцы, военнопленные, мусульмане и прочий люд как для внутреннего пользо-

вания, так и на «экспорт». Новые хозяева Филиппин, испанцы, были шокированы обилием на островах своих исконных врагов — мусульман. Рабовладельческий характер филиппинской экономики вызвал ожесточенные юридические и теологические споры о рабстве. В 1574 г. был издан специальный закон о Филиппинах, но он не защищал иностранцев, т.е. нефилиппинцев и мусульман. Иностранцев поставляли португальцы, мусульмане чаще всего были военнопленными.

Для отправки товаров (ткани, фарфор, воск и специи) и людей из Манилы в Мексику ежегодно снаряжался галеон, который отплыл из Манилы в сентябре и в феврале достигал Акапулько. Маршрут азиатских рабов из Акапулько, куда прибывал манильский галеон, в Мехико и Пуэбло, назывался «Китайский путь» (*Via de China*).

Для регулирования торговых потоков и защиты от пиратов отправку галеона готовили королевские чиновники, постоянно существовала опасность перегрузок, в среднем ежегодно перевозилось от 250 до 400 человек. Несмотря на запреты властей и протесты морских офицеров против присутствия женщин на кораблях, женщин-рабынь выдавали за личную прислугу свободных пассажиров. Описывается один чиновник, который провез за один раз 15 таких рабынь, и все они забеременели во время путешествия. Позднее вышел запрет на перевозку незамужних женщин, но и он постоянно нарушался. Тяжелые условия на кораблях приводили к большой смертности среди пассажиров и невольников, так в 1629 г. погибло сто человек, тела везли в Акапулько, где был специальный тариф на похороны — 10 песо за испанца, 5 — за индийца и один — за раба.

Для торговли людьми на манильском галеоне нужно было оформлять специальную лицензию, если в XVI в. корона выдавала лицензии напрямую частным лицам, то позднее лицензии могли получить только компании, которые обещали привести как можно больше африканских рабов. Это были португальские, генуэзские, голландские монополии. Т. Сейхас много пишет о том, как транспортировка громадного числа африканских рабов через Атлантику в конце концов привела к существенному ограничению тихоокеанской работорговли.

Помимо рабов, из Манилы в Мексику

плыли и свободные эмигранты, что еще больше запутывает ситуацию с выходцами из Азии в Мексике. На галеон в поисках лучшей доли стремились филиппинцы и жители других регионов Азии. Многие моряки, измученные полугодовым плаванием, принимали решение не возвращаться на родину и осесть в Новой Испании. Эти люди получали особый статус.

Много внимания уделяет Т. Сейхас ситуации в Мексике, сделавшей необходимой для экономики привоз большого количества рабочей силы. Демографический коллапс возник из-за высокой смертности местного населения от завезенных из Старого Света инфекционных болезней. Гибель с 1530 по 1608 г. 15 млн индейцев стала для испанцев политической и экономической катастрофой. Построенные испанцами города и монастыри стояли пустыми. Для охраны оставшихся в живых индейцев были приняты специальные законы.

Сложная управленческая структура колониальной Мексики включала две политические общины, так называемые республики — индейцев (*La República de Indios*) и испанцев (*La República de Españoles*). «Республики» были первоначально созданы в местах компактного проживания индейцев в сельской местности, позднее каждый новоприбывший человек должен был приписаться к одной из общин, так обеспечивалась регистрация и сегрегация населения по месту жительства. К республике испанцев относились собственно испанцы, лично свободные метисы и все рабы. Лично свободные выходцы из Азии приписывались к республике индейцев и получали права местного населения, могли жениться на индианках, доказав, что они не были ранее женаты. Инквизиция в это время возбуждала много дел о многоженстве. В отличие от свободных филиппинцев сравнительно немногие рабы-китайцы женились на индианках, хотя законодательно это не было запрещено. Женильба на индианках не изменяла их социального статуса. Как правило, рабы брали в жены рабынь, «китайянок», негритянок и мулаток.

Наличие подобной структуры и практика записи свободных «азиатов» в индейцы предопределили в дальнейшем превращение азиатских рабов в индейцев: с юридической точки зрения это была единственная возможность зафиксировать свой новый социальный

статус в качестве освобожденного *чино*.

Испания начала активно завозить в Мексику рабочую силу в помощь оставшимся в живых индейцам, в 1542 г. были ввезены первые африканцы, в 1565 г. — первые *чинос*. Несмотря на то, что и те, и другие были лично зависимыми людьми, их положение в экономике и обществе не было одинаковым. *Чинос* были лучшими слугами, чем африканцы, так как в большинстве своем уже знали иберийские языки и были грамотны. Многие из азиатов, как свободных, так и рабов, работали на ткацких фабриках, а также при монастырях. Более сильные физически африканцы стоили дороже *чинос* и работали в основном в сельском хозяйстве. Хозяева привлекали *чинос* к тем же работам, что раньше индейцев, и постепенно *чинос* стали ассоциироваться с индейцами. *Чинос* часто освобождали за образцовую службу, добиться освобождения им было легче, чем африканцам по ряду причин. «Китайцы» были ближе к своим хозяевам, активно осваивали ремесла, даже заводили собственные кустарные промыслы и вступали в гильдии, где рабский труд вообще был запрещен. Чем больше «китайцы» сливались со свободными азиатами и местным населением, тем более проблематичным становилось владение *чинос*. Запрет рабства «азиатов» 1672 г. предвиделся задолго, и хозяева либо давали им вольные, либо искали разные пути сохранить свою собственность, т.е. оформляли что-то вроде аренды, так называемое временное рабство. Еще до 1672 г. в Мексике возник своеобразный расизм, рабами стали восприниматься только чернокожие.

Много внимания уделяет Т. Сейхас структуре экономики свободных азиатов, оказавшей впоследствии большое влияние на характер занятий освобожденных азиатских рабов. Как члены республики индейцев филиппинцы платили казне налоги. Занимались они шелководством и ткачеством; производимое ими кокосовое вино быстро стало популярным среди местного населения; делали они и пушке, и дистилляты из агавы. Колониальные власти, всеми способами оберегающие выживших «настоящих» индейцев, только им разрешали торговать местной сельскохозяйственной продукцией, азиатам приходилось искать разные способы обходить эти запреты. Множество выходцев из Азии стали парикмахерами, что вы-

звало волну протестов со стороны парикмахеров-испанцев. Это были, пожалуй, первые в истории случаи выступлений против засилья «китайских» эмигрантов. Свободные азиаты прилагали множество усилий для того, чтобы добиться тех же прав, которыми обладало коренное население, в частности, права носить оружие и ездить верхом. Азиаты-рабы внимательно следили за всеми нюансами борьбы своих лично свободных соотечественников, чей опыт помог им быстро утвердиться в новом социальном статусе после освобождения.

Еще до 1672 г. *чинос* предпринимали массовые попытки к бегству от своих хозяев, чтобы вступить в республику индейцев на правах местного населения. В немалой степени этому способствовало внешнее сходство азиатов и коренных индейцев. Из-за этого сходства «китайцам» чаще ставили клеймо на лицо, чем африканцам, которым клеймили плечо или же не клеймили вовсе. Похожесть азиатов на индейцев, постоянная критика практики клеймения людей также приводили к тому, что владеть африканцами было гораздо проще и выгоднее.

Архивные документы сохранили множество примечательных историй постоянных попыток *чинос* добиться освобождения. Рабы-китайцы стали свободными индейцами в результате сложных процессов, которые происходили в течение почти ста лет. И хотя такую удивительную трансформацию предопределило наличие многих условий, она стала возможной

только благодаря индивидуальным усилиям каждого «китайца».

Все «азиаты», как свободные, так и рабы, по прибытию в Новую Испанию обращались в католичество и получали испанские имена. Церковь никогда не обходила новоприбывших и их потомков своим вниманием. Взаимоотношения церкви и «азиатов» были сложны и многообразны. Не все были столь ревностными католиками, как Катарина, главная героиня книги: инквизиции приходилось рассматривать нередкие случаи ереси и богохульства. В целом роль католических институций, как показывают материалы, собранные Т. Сейхас, в интеграции «азиатов» в мексиканское общество была весьма высока. Церковь многое делала для образования и воспитания *чинос*, ею предпринимались меры, позволившие принять группу законов об отмене рабства азиатов. Поддерживала церковь и беднейших представителей новых «индейцев». Очевидно, что без церковного покровительства процесс превращения «китайских» рабов в свободных индейцев был бы гораздо сложнее и занял бы больше времени.

Удивительные истории, разысканные Татьяной Сейхас в мексиканских и филиппинских архивах, их научная интерпретация и многосторонний анализ позволяют усмотреть в феномене азиатского рабства в колониальной Мексике пример формирования особой мультикультурной общности как части начавшейся в Новое время глобализации.